

Крапоткин Петр Алексеевич

**Тюрьмы, ссылка и каторга в
России**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
ПЗ0

ПЗ0 **Петр Алексеевич К.**
Тюрьмы, ссылка и каторга в России / Крапоткин Петр Алексеевич – М.: Книга по Требо-
ванию, 2024. – 60 с.

ISBN 978-5-519-90888-7

ISBN 978-5-519-90888-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

тельные поселенія не съ точки зрѣнія того, чѣмъ они должны были бы быть по закону, а такъ, какъ они представляются въ дѣйствительности, то нельзя не признать, вмѣстѣ со всѣми лучшими русскими изслѣдователями нашихъ тюремъ, что послѣднія являются нарушеніемъ требованій человѣчности.

Въ послѣднее время ¹⁾ въ Англіи и въ Соединенныхъ Штатахъ было сдѣлано нѣсколько попытокъ представить русскія тюрьмы въ очень свѣтлыхъ краскахъ. Лучшія изъ нихъ принадлежатъ Лэндсделю въ Англіи и Кенану въ Америкѣ. Г-нъ Кенанъ счелъ, что его пребываніе въ качествѣ служащаго Оверлэндской телеграфной компаніи на берегахъ Охотскаго моря,—приблизительно въ какихъ-нибудь нѣсколькихъ тысячахъ верстъ отъ карательныхъ учрежденій Сибири,—даетъ ему основаніе авторитетно рассказывать о сибирскихъ тюрьмахъ и заключенныхъ въ нихъ. Что удивительнаго, что его свѣдѣнія рѣшительно опровергаются тѣми русскими, которые основательно изучали жизнь заключенныхъ въ Сибири? О г-нѣ Лэндсделлѣ должно сказать нѣсколько больше. Онъ видѣлъ сибирскія тюрьмы. Превзойдя быстротой почту, онъ пересѣкъ страну, гдѣ нѣтъ желѣзныхъ дорогъ, со скоростью 9,500 верстъ въ 75 дней; а въ частности онъ за 14 часовъ успѣлъ позавтракать, пообѣдать, проѣхать слишкомъ 60 верстъ и посѣтить три главныхъ сибирскихъ тюрьмы—въ Тобольскѣ, на Александровскомъ заводѣ и на Карѣ. Въ изобиліи запасшись оффиціальными рекомендаціями, онъ за это короткое время видѣлъ ровно столько, сколько захотѣло ему показать начальство, а для такой страны, какъ Сибирь, это безусловно очень много. Будь у него сколько-нибудь способностей къ

¹⁾ Писано въ 1883-мъ году.

критикъ, составляющихъ главное достоинство путешественника, онъ въ состояніи былъ бы оцѣнить сравнительную цѣнность свѣдѣній, собранныхъ имъ втеченіе его официальной скачки по сибирскимъ тюрьмамъ, и книга его, особенно еслибы онъ принялъ въ соображеніе имѣющуюся по этому предмету русскую литературу, могла бы быть книгой полезной. Къ несчастью, онъ ничего не видалъ и не читалъ, и его книга, по крайней мѣрѣ поскольку она касается тюремъ и заключенныхъ, можетъ только породить неправильныя представленія. Въ виду этого я полагаю, что настоящая статья можетъ оказаться интересной. Свѣдѣнія, которыя въ ней содержатся, суть по крайней мѣрѣ подлинныя, такъ какъ взяты не только изъ книгъ, но и изъ личнаго опыта тюремной жизни, моего собственнаго и нѣкоторыхъ моихъ друзей.

Однимъ изъ крупнѣйшихъ результатовъ либеральнаго движенія 1857—1862 гг. были судебныя реформы. Со старыми судами, гдѣ все дѣлопроизводство было письменное, было покончено, и былъ снова введенъ исчезнувшій благодаря деспотизму московскихъ царей судъ присяжныхъ. Новый уставъ о судопроизводствѣ, обнародованный въ 1864 г., считался несомнѣнно самымъ либеральнымъ и гуманнымъ въ Европѣ. Около того-же времени отмѣнено было наказаніе кнутомъ и клеймленіе желѣзомъ. И пора было. Общественное мнѣніе было возмущено существованіемъ этихъ постыдныхъ орудій, а оно въ то время было такъ могущественно, что губернаторы отказывали въ утвержденіи приговоровъ, сопряженныхъ съ употребленіемъ этихъ орудій, а другіе, какъ мнѣ случалось наблюдать въ Сибири, давали понять палачу, что если онъ при исполненіи своихъ обязанностей (искусства весьма распространеннаго и въ высокой степени выгоднаго) не обратитъ

послѣднихъ въ простую комедію, то онъ „поплатится за то собственной шкурой“. Но, подобно всѣмъ остальнымъ реформамъ прошлаго царствованія, благіе результаты судебныхъ реформъ были искажены послѣдовавшими измѣненіями. Реформа не была сдѣлана всеобщей, и въ 39 губерніяхъ изъ 72-хъ были сохранены еще старые суды. Такъ, напр., они дѣйствуютъ во всей Сибири; а каждый изъ нихъ представляетъ гнѣздо необузданнаго лихоимства. Затѣмъ, сохранено было старое уголовное уложеніе, съ лѣстницей наказаній, совершенно несоотвѣтствующей современному состоянію нашихъ тюремъ, а послѣдующія правила совершенно измѣнили смыслъ судебныхъ уставовъ 1864 г. Я только выскажу то, что постоянно повторяется въ русской прессѣ, если скажу, что слѣдователи никогда не пользовались той самостоятельностью, которую даютъ имъ новые уставы; что судьи стали попадать все въ большую и большую зависимость отъ министра юстиціи, который ихъ назначаетъ и имѣетъ право переводить ихъ изъ одной губерніи въ другую; что институтъ присяжныхъ повѣренныхъ, не подвергаясь критикѣ, пришелъ въ совершенный упадокъ; и что крестьянинъ, дѣло котораго не даетъ основанія надѣяться на то, что оно прогремитъ, не добьется такого блага, какъ юридическій совѣтъ, и всецѣло попадетъ въ руки личности, напоминающей прокурора имперіи въ романѣ Золя. Въ самомъ дѣлѣ, независимыхъ присяжныхъ засѣдателей не можетъ быть тамъ, гдѣ присяжный - крестьянинъ знаетъ, что всякій носящій форменное платье можетъ побить его у самыхъ дверей зданія суда. Что касается вердиктовъ присяжныхъ, они пользуются поистинѣ жалкой извѣстностью; они не пользуются никакимъ уваженіемъ, если противорѣчатъ мнѣнію губернатора, и оправданный можетъ быть арестованъ въ

ту минуту, какъ онъ оставляетъ скамью подсудимыхъ, и снова заключенъ въ тюрьму по простому приказу администраціи. Такой случай произошелъ, напр., съ крестьяниномъ Буруновымъ. Онъ прибылъ въ Петербургъ по порученію своихъ односельчанъ для принесенія Царю жалобы на властей, и былъ преданъ суду въ качествѣ „бунтовщика“. Судъ оправдалъ его; но на самой наружной лѣстницѣ его снова арестовали и выслали въ ссылку на полуостровъ Колу. То-же случилось и съ Вѣрой Засуличъ, и съ раскольниковъ Тетеновымъ, и еще со многими другими. Третье Отдѣленіе и губернаторы смотрятъ на новые суды просто какъ на неудобство, и соотвѣтственно такому взгляду и дѣйствуютъ. Наконецъ, очень много дѣлъ рѣшается исполнительной властью секретно, безъ участія какъ судей, такъ и присяжныхъ засѣдателей. Предварительное слѣдствіе по всѣмъ дѣламъ, въ которыхъ отыскана „политическая окраска“, производится просто жандармскими офицерами, иногда въ присутствіи прокурора, который сопровождаетъ ихъ и при набѣгахъ ихъ,—чиновника въ штатскомъ платьѣ, который между товарищами считается паршивой овцой, и обязанность котораго состоитъ въ томъ, чтобы содѣйствовать или симулировать содѣйствіе при обыскѣ арестованныхъ Третьимъ Отдѣленіемъ. Приговоръ и степень наказанія (а послѣднее можетъ состоять въ пожизненной ссылкѣ въ Сибирь въ предѣлы полярнаго пояса) зависятъ отъ воли Третьяго Отдѣленія или исполнительной власти. Къ этой категоріи дѣлъ относятся не только дѣла о политическихъ преступникахъ, принадлежащихъ къ тайнымъ сообществамъ, но также и дѣла о раскольникахъ; почти всѣ дѣла о неповиновеніи властямъ, поодинокіе и скопомъ; стачки; „проступки противъ Его Императорскаго Величества“, по каковому разряду недавно

было арестовано въ теченіе 6 мѣсяцевъ 2,500 человекъ; словомъ, всѣ дѣла, которыя могутъ поставить власть въ непріятное положеніе или способны, говоря оффиціальнымъ языкомъ, „вызвать возбужденіе въ общественномъ мнѣніи“. Изъ политическихъ дѣлъ только первые кружки судились по уставамъ 1864 г.; потомъ, когда правительство замѣтило, что судьи настроены по отношенію къ политическимъ подсудимымъ скорѣе благопріятно, чѣмъ враждебно, эти подсудимые стали предаваться суду съ подтасованнымъ составомъ; т. е., ихъ судили судьи, спеціально для даннаго дѣла назначенные. Дѣло Вѣры Засуличъ было памятнымъ исключеніемъ изъ этого правила. Ее судили присяжные и она была оправдана. Но, пишетъ проф. Градовскій въ одномъ журналѣ, въ послѣдствіи пріостановленномъ, „въ Петербургѣ всѣмъ извѣстенъ тотъ секретъ, что это дѣло никогда не дошло-бы до суда присяжныхъ, если-бы не было извѣстныхъ пререканій между директоромъ департамента полиціи съ одной стороны и третьимъ отдѣленіемъ и министрами юстиціи и внутреннихъ дѣлъ съ другой, если-бы не было той извѣстаго рода *jalousie de métier*, безъ которой, при нашей необезпеченной жизни, намъ часто нельзя было-бы даже дышать“.

Врядъ-ли нужно говорить о томъ, что правдивые отчеты въ прессѣ о политическихъ дѣлахъ никогда не попускались. Прежде газеты обязаны были воспроизводить „фальсифицированные“ отчеты, помѣщавшіеся въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*; но теперь правительство убѣдилось, что даже такіе отчеты производятъ на общество глубокое впечатлѣніе, всегда благопріятное подсудимому; и теперь оно дѣлаетъ свое дѣло въ полной тайнѣ. Законъ, изданный въ Сентябрѣ 1881 г., далъ генералъ-губернаторамъ и губернаторамъ право требовать, „чтобы всѣ дѣла,

которые могут вызвать броженіе умовъ (*sic*) или нарушить общественное спокойствіе, слушались при закрытыхъ дверяхъ“. Для предупрежденія распространенія въ обществѣ рѣчей осужденныхъ, или такихъ фактовъ, обнаруженіе которыхъ непріятно правительству, на судебное разбирательство не допускается никто, даже лица, прикосновенныя къ министерству юстиціи; допускаются „только жены или мужья подсудимыхъ, (тоже и въ тюрьму), или отецъ, или мать, или одинъ изъ дѣтей подсудимаго, но не больше одного родственника на cadaго подсудимаго“. Во время разбирательства послѣдняго дѣла о террористахъ, когда десять человѣкъ было приговорено къ смертной казни, единственнымъ лицомъ, воспользовавшимся этимъ преимуществомъ, была мать Суханова. Много дѣлъ спроваживается такимъ образомъ, что никто не знаетъ, когда произойдетъ разбирательство. Такъ, напр., мы долго оставались въ неизвѣстности относительно судьбы одного военнаго, офицера, сына начальника С.-Петербургской крѣпостной тюрьмы, который былъ приговоренъ къ каторгѣ за сношенія съ революціонерами, покуда не узнали ее случайно изъ одного обвинительнаго акта, читаннаго на судебномъ разбирательствѣ одного дѣла много лѣтъ послѣ его собственнаго. Публика узнаетъ изъ *Правительственнаго Вѣстника*, что Государь Императоръ замѣнилъ смертный приговоръ, произнесенный надъ какими-нибудь революціонерами, пожизненной каторгой; но никакихъ слуховъ не проникаетъ ни о судѣ, ни о преступленіяхъ, въ которыхъ обвинялись осужденные. Мало того, у осужденныхъ къ смертной казни было отнято даже послѣднее утѣшеніе,—мысль, что они умрутъ всенародно. Теперь будутъ вѣшать тайно, въ стѣнахъ крѣпости, и внѣ присутствія кого-бы то ни было изъ внѣшняго міра. Причина этого нововведенія та, что когда

Рысакова вывели къ висѣлицѣ, онъ показаль толпѣ свои окровавленныя руки, и закричалъ, заглушая голосомъ барабанный бой, что послѣ суда его подвергли пыткамъ, Слова его были услышаны кучкой либераловъ, которые, отрекаясь отъ всякаго сочувствія къ террористамъ, все-же считали своимъ долгомъ обнародовать фактическую сторону дѣла въ тайной прокламаціи, и привлечь вниманіе общества на это вопіющее нарушеніе законовъ человѣчности. Теперь уже ничто не обнаружится изъ того, что происходитъ въ казематахъ Петропавловской крѣпости послѣ судебного разбирательства и до экзекуціи. По крайней мѣрѣ, такъ думаетъ правительство послѣ того, какъ послало на каторгу сына одного тюремщика и дюжину солдатъ, обвинявшихся въ передачѣ писемъ отъ заключенныхъ друзьямъ послѣднихъ въ городъ и обратно. Но извѣстно,— и я безъ малѣйшихъ колебаній утверждаю, что это фактъ,— что по крайней мѣрѣ два революціонера, Андріанъ Михайловъ и Рысаковъ, *были подвергнуты пыткамъ электричествомъ.*

Въ 1861 году губернаторамъ было приказано сдѣлать всеобщую ревизію состоянія тюремъ. Это было въ первые года царствованія Александра II-го, правительство было тогда либеральное, и ревизія въ общемъ была произведена удовлетворительно. Результаты ея подтвердили то, что всѣ и до того знали: именно, что тюрьмы въ Россіи и Сибири находятся въ самомъ плохомъ состояніи, какое только можно себѣ представить. Число заключенныхъ въ каждой изъ нихъ было большей частью вдвое и втрое больше максимальной цифры, допускаемой закономъ. Зданія оказались такими старыми и развалившимися, и въ такомъ невѣроятно грязномъ состояніи, что большей частью въ нихъ не только жить было невозможно, но невозможно

было даже придумать, какимъ способомъ перестроить ихъ.

Внутри тюремъ дѣла обстояли еще хуже, чѣмъ снаружи. Открылось, что вся система продажна до мозга костей, и что чиновники, быть можетъ, нуждаются въ исправленіи еще больше, чѣмъ тюрьмы. Въ Забайкальской области, гдѣ въ то время содержались почти всѣ присужденные къ каторжнымъ работамъ, ревизіонная комиссія доносила (я былъ секретаремъ ея и мнѣ поручено было составить ея отчетъ), что тюремныя зданія большей частью находятся въ развалинахъ, и что вся карательная система находится на пути къ тому же. Повсемѣстно въ Имперіи было признано, что и теорія, и практика одинако нуждаются въ свѣтѣ и воздухѣ; что нужно преобразовать все, и дѣйствительность и направленіе; и что намъ не только нужно перестроить наши тюрьмы, но и въ корнѣ преобразовать нашъ тюремный строй и обновить штабъ тюремъ отъ перваго человека до послѣдняго. Правительство, однако, рѣшило не сдѣлать ничего изъ этого. Оно выстроило нѣсколько новыхъ тюремъ, которыхъ оказалось недостаточно для помѣщенія новыхъ заключенныхъ (ибо населеніе за это время увеличилось на болѣе, чѣмъ 10 милліоновъ); осужденныхъ стали отдавать внаймы собственникамъ частныхъ золотыхъ розсыпей; на Сахалинѣ устроили новыя каторжныя поселенія, съ цѣлью колонизовать островъ, на которомъ никто не хотѣлъ селиться добровольно; и это было все. Старые порядки остались безъ измѣненія, старыя ошибки исправлены не были. Съ каждымъ годомъ тюрьмы все болѣе и болѣе разваливаются, съ каждымъ годомъ штабъ ихъ дѣлается безчестнѣе и безсовѣстнѣе. Годъ за годомъ министерство юстиціи проситъ денегъ на ремонтъ и годъ за годомъ правительство довольствуется тѣмъ, что отсылаетъ его съ половиной или меньше, чѣмъ половиной

того, что оно просить; и когда оно, какъ въ 1879 — 1881 гг., просить больше трехъ милліоновъ рублей, ему дають только жалкихъ милліонъ двѣсти тысячъ. Вслѣдствіе этого тюрьмы превращаются въ постоянные разсадники заразы, и, согласно отчету одной недавней комиссіи, по крайней мѣрѣ двѣ трети ихъ нуждаются въ перестройкѣ съ крыши до основанія. Чтобы какъ слѣдуетъ размѣстить всѣхъ заключенныхъ въ Россіи, слѣдовало-бы построить еще въ половину столько тюремъ, сколько уже существуетъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ 1879 году было 70,488 судебныхъ дѣла, а русскія тюрьмы въ общей сложности могутъ содержать не болѣе 54,253 душъ. Въ иныхъ тюрьмахъ, рассчитанныхъ на содержаніе 200—250 человѣкъ, число заключенныхъ обыкновенно колеблется между 700 и 800 человѣкъ одновременно. Въ тюрьмахъ, лежащихъ по дорогѣ въ Сибирь, переполненіе бываетъ еще болѣе чудовищное, когда партіи осужденныхъ задерживаются разливомъ рѣкъ ¹⁾).

¹⁾ Русская тюремная система устроена слѣдующимъ образомъ. Прежде всего у насъ есть 624 тюрьмы или острога для заключенныхъ, ожидающихъ суда, въ общемъ на 54,253 человѣка, и еще четыре дома предварительнаго заключенія—на 1,134 чел. Не включаются сюда политическія тюрьмы при Третьемъ Отдѣленіи и при крѣпостяхъ. Пересыльных тюремъ, гдѣ заключенные ожидаютъ отправки на мѣста назначенія, десять, рассчитанныхъ на 7,150 чел.; еще двѣ таковыхъ, Мценская и Вышне-Волочискская, для политическихъ осужденныхъ, рассчитаны на 140 чел. Затѣмъ идутъ *арестантскія роты*, военныя организаціи для занятій принудительными работами, которыя хуже каторжныхъ тюремъ въ Сибири, хотя и считается болѣе легкимъ наказаніемъ. Таковыхъ имѣется 23, на 7,136 чел. (въ 1879 г.—на 9,609 чел.). Къ этому-же разряду должно отнести и *исправительныя отдѣленія*, въ числѣ 13-ти: два большихъ, приспособленныхъ на 1,120 чел., и 11 меньшихъ на 435 заключенныхъ. Каторжнымъ работамъ служатъ 13 «центральныхъ тюремъ». Изъ нихъ семь находятся въ Россіи и рассчитаны на 2,745 чел.; три

Огромное большинство нашихъ заключенныхъ суть люди, ожидающіе суда. Они могутъ быть признаны невинными; и въ Россіи, гдѣ аресты производятся совершенно на удачу, ихъ невинность въ грѣхъ случаяхъ изъ 10 очевидна для всякаго. Въ самомъ дѣлѣ, изъ годового отчета Министерства Юстиціи за 1876 годъ мы узнаемъ, что изъ 99,964 лицъ, арестованныхъ втеченіе года, только 37,159, т. е. 37⁰/₀, могло быть привлечено къ суду, и изъ нихъ еще 12,612 было оправдано. Такимъ образомъ, болѣе 75.000 человѣкъ было подвергнуто аресту и заключенію въ тюрьму безъ какого-либо основательнаго къ тому повода; а изъ общаго числа около 25 тысячъ человѣкъ осужденныхъ и превращенныхъ въ „преступниковъ“, большое количество (около 15⁰/₀) мужчинъ и женщинъ просто нарушили установленія о паспортахъ или какую-нибудь стѣснительную мѣру нашего правительства.

Слѣдуетъ упомянуть о томъ, что всѣ эти заключенные, три четверти которыхъ признаются потомъ невинными, проводятъ мѣсяцы, а очень часто и годы, въ провинціаль-ныхъ мѣстахъ заключенія, въ тѣхъ знаменитыхъ *остро-*

въ Западной Сибири, на 1,150 чел.; двѣ въ Восточной Сибири, на 1,650 чел.; и одна на островѣ Сахалинѣ, на 600 чел. (1,103 въ 1879 г.). Остальные осужденные на каторжныя работы, числомъ 10,424, распределены между казенными рудниками, золотыми розсыпями и заводами въ Сибири; именно, на Карскихъ золотыхъ розсыпяхъ ихъ 2000; въ Троицкихъ, Усть-Кутскихъ и Иркутскихъ солеварняхъ, на Николаевокомъ и Петровскомъ желѣзодѣлательныхъ заводахъ, и въ тюрьмѣ на бывшихъ Акатуйскихъ серебряныхъ рудникахъ также содержатся каторжники. Наконецъ, каторжниковъ отдають также въ наймы собственникамъ частныхъ золотыхъ розсыпей въ Сибири. Степень строгости наказанія можетъ такимъ образомъ, колебаться до безконечности, въ зависимости отъ воли властей, и отъ той степени возмездія, которая почитается ими соответствующей каждому данному случаю.